

Воспоминания

В. А. Иванов

Воспоминания крестьянского сына

В ФЕВРАЛЕ 1936 г. наша семья осталась без отца, но после вступления в колхоз нас не беспокоили, даже обобщественную лошадь временно оставили в нашем хлеву, а колхозники отрепали наш лен и вернули брату за него деньги (за вычетом стоимости работы). В зимние месяцы постоянная работа в колхозе была в основном у животноводов. Так как колхоз назывался «Парижская Коммуна», то 18 марта в честь этого события устраивался праздник. В одном из домов деревни Гаврилово был накрыт для колхозников стол. Соблазнился сходить на праздник и я. Меня усадили за стол, налили миску щей с мясом, поставили рыбу и кашу. Обед показался мне необычайно вкусным. Взрослые мужики выпивали, но вели спокойные разговоры. С этого праздника началось мое первое знакомство с жизнью коллектива, называемого колхозом.

С наступлением весны брата зачислили работать в одну из бригад деревни Гаврилово, лошадь перед началом работ у нас забрали на колхозную конюшню, впоследствии брат выполнял на ней все работы. Дядю Кузьму зачислили в другую полеводческую бригаду. Записавшиеся в колхоз на год раньше нас Максим Антонов и Антон Васильев работали в бригаде деревни Голубы. Бригадиром, дававшим наряд на работу брату, был житель деревни Гаврилово Виктор Пантелеев, па-

рень невысокого роста, сильно заикавшийся: если он волновался, то не мог выговорить и слова. Очень часто за получением наряда для брата приходилось бегать мне, т.к. бригадир в нашей деревне появлялся редко.

После того, как заканчивались занятия в школе, наряд на работу бригадир давал и мне, хотя и не каждый день. Первый рабочий наряд на колхозную работу принес мне немало душевных тревог. Комбайнов на колхозных полях тогда еще не было, рожь и пшеницу жали серпами, а сжатые снопы ставили в стойки. Сжатые озимые стояли в стойках иногда продолжительное время, в зависимости от погодных условий. Но тут в колхоз «Парижская Коммуна» пришел на уборку ржи из МТС «северный комбайн», на котором работали два человека: один водил машину, косившую и обмолачивающую рожь, а другой одевал на трубу мешки, заполнявшиеся обмолоченным зерном. Мешки он менял, наполненные завязывал и сбрасывал прямо на землю. Я вместе с пожилым мужчиной из соседней деревни должен был подбирать их, укладывать на телегу и отвозить на гумно в деревню Голубы. Когда я приехал на поле, мешков лежало очень много, но они были легкими, и на погрузку времени уходило немного. До гумна было больше километра. Я не ждал, когда нагрузит свой воз напарник, а нагрузив телегу, ехал на гумно. Работа у меня шла быстро. Возвратившись из очередного рейса, я увидел, что дядя Саша поджидает меня. Когда

Окончание. Начало в № 31/2009 г.

я подъехал, он как-то подозрительно посмотрел мне в глаза и сказал: «Смотри, в стойках ржи попряты мешки с намолоченным зерном». Кто их мог сюда положить среди бела дня? Ведь кроме нас и двух комбайнеров на поле никого не было. Мы вытащили мешки и отвезли на гумно, но подозрительный взгляд, как мне показалось, напарника вывел меня из нормального душевного состояния на долгое время, а в памяти остался до сих пор. Мне казалось, что дядя подумал на меня, потому что дорога на гумно проходила около нашей деревни. Так получилось, что почти на первой колхозной работе мне пришлось столкнуться с воровством. После этого случая мой бывший напарник часто при встрече со мной говорил: «Помнишь, мы с тобой ворованные мешки из стоек вытаскивали». Иногда у меня возникала мысль, а потом и брат подтверждал, что история с мешками могла быть просто провокацией Саньки Барышникова, чтобы опорочить меня, безотцовщину, и показать в выгодном свете себя. К покойному отцу он мог иметь затаенную зависть, потому что много лет назад продал ему корову, т.к. ее нечем было кормить.

В течении всех летних школьных каникул я работал в колхозе. Работы были разные: во время сенокоса скашивал углы на клеверных нивах, которые не могла скосить конная косилка, сгребал сухое сено, пас бригадное стадо лошадей, ночами вместе с другими обслуживал конную молотилку. Недоразумений больше никаких не было, но заработал я трудодней немного. Старший брат ежедневно работал на общественной колхозной работе, никаких притеснений его не было. Основные полевые работы выполнялись уже тракторами МТС, для простых колхозников оставались второстепенные и вспомогательные работы, поэтому и брат трудодней зарабатывал немного, а выдавали на каждый из них по 400 г второсортного зерна. Зато дорого обходились работы, производимые тракторами МТС: большая часть колхозного зерна уходила на натуроплату. Главным было выполнение государственного плана поставок, поэтому и на трудодни почти ничего не оставалось. Многие колхозы, особенно сильные, к услугам МТС старались не прибегать, и свои поля вспахивали на лошадях. К тому же большинство полей

были засорены камнями-валунами, что работу тракторов сильно затрудняло.

Первый год для колхоза «Парижская Коммуна» был неудачным, и колхозники на трудодни почти ничего не получили. Хлеба не доставало, и опять вставал извечный вопрос: как жить дальше. Старший брат вынужден был попросить у правления колхоза отпуск, чтобы уехать в город на подработку. До вступления в колхоз у нас был огород, а после того, как мы стали колхозниками, нам отвели огородную землю в другом месте. Раньше эта земля принадлежала одному из выселенных в Апатиты, и на ней мы посадили картофель. Урожай его оказался неплохим, благодаря ему и жили. Весной 1936 г. мачеха купила двух поросят, откармливать которых тоже пришлось картофелем, т.к. зерна для этого не было. От скудного кормления поросята прибавляли в весе очень медленно, одного осенью забили для собственного стола, второго кормили до декабря для продажи в городе. Но чтобы отвезти тушу на базар, с нее нужно было снять шкуру. Это была не совсем понятная, но трудоемкая работа, и ею я занимался, придя из школы, несколько вечеров. После того, как туша была подготовлена для продажи, передо мной встал новый вопрос: как подсчитывать деньги за проданное мясо. Этим мне раньше заниматься не приходилось, но беспокойство оказалось напрасным: в Пскове дядя нашел покупателя, который купил всего поросенка для столовой. На вырученные деньги я стал покупать в Пскове печеный хлеб.

Если в 1920-е гг., когда зерна не хватало, хлеб выпекали с мякиной, то теперь и пел не было, поэтому в хлеб пришлось добавлять ряд компонентов. Мелкий картофель промывали в теплой воде, ножами вырезали из него червоточины, варили с шелухой, толкли в квашне, затем туда добавляли немного муки, смолотой на собственных жерновах, размачивали две буханки печеного хлеба, купленного в городе, и из всего этого замешивали тесто. Хлеб получался темного цвета и всегда жидкий, но на это не приходилось обращать внимания, даже на то, что к зубам прилипла картофельная шелуха.

Летом я сумел накопить на пустующих полях сена для коровы и овец, используя

вечера и дождливые дни. Колхоз своих колхозников кормами не обеспечивал. Даже из собственного хлеба колхозник мог вывезти на свой огород не более семи возов навоза, остальной тоже забирали в колхоз.

В сельских магазинах печеный хлеб не продавали, и за ним приходилось на лошадях ездить в Псков. Нередко ездил в Псков и я, привозя буханок по 20. Помню, что килограммовая буханка черного хлеба стоила 96 коп., полубелого – 1 руб.92 коп. Лошадь для поездок выделяло правление колхоза (насколько помню, отказов в этом не было), для поездки собиралось по 3-4 человека одновременно. В одну из таких поездок мне пришлось быть свидетелем неприятной сцены. Ехали мы на дровнях втроем, и когда уже возвращались домой и выехали на Завеличье (тогда это был небольшой район, застроенный деревянными домами и надворными постройками), навстречу нам вышли двое высоких мужчин. Это были бывшие жители деревни Дешманы братья Дмитрий и Иван Сенечкины. Они остановили лошадь и стали разговаривать с нашим кучером дядей Максимом: «Дядя Максим, отдай нам наш хлеб, который мы отвезли тебе на хранение во время коллективизации. Сейчас у нас нет хлеба, и мы голодаем». Максим отвечал, что их хлеба у него нет, он давно съеден. Братья долго не отпускали подводу, требуя хлеб, и, наверное, они его получили бы, не будь на дровнях меня и тети Акулины. Сенечкины не были зажиточными, до революции семья у них была большая, земли мало. Во время коллективизации они в колхоз не записались, а выращенный в 1927 г. хлеб тайком свезли на хранение к Максиму в деревню Панкратово. Возможно, тот сам не захотел его вернуть, а Сенечкины ведь не могли написать на него жалобу в сельсовет!

Ездить за хлебом в Псков мне вместе с соседями приходилось всю зиму и весну 1937 г., но нас больше никто никогда не останавливал. Максим же больше никогда моим попутчиком не был.

Пришла весна, но брат с городских работков не возвращался. Так как огород у нас был меньше 36 соток, то нам разрешили вспахать пустующие огороды на нескольких участках. Правление отмерило нам землю ря-

дом с нашей постройкой, за это мы решили его отблагодарить: купили литр водки, мачеха выставила на стол неплохую закуску. Сидели за столом долго, выпивали не спеша, но две бутылки в конце концов осушили. Среди пришедших к нам был и председатель колхоза Василий Михайлович, родом из одной деревень недалеко от Красина, в годы гражданской войны воевал в отряде Н.А.Порозова. Мы с Витькой-бригадиром слушали его воспоминания раскрыв рты. Во время угощения он сказал: «За вашим гумном поле, сколько хотите, столько и занимайте земли под огород». Василий Михайлович, мужчина богатырского телосложения, был доброй души человек. Ни от кого из колхозников я не слышал на него жалоб. Жил он в деревне Гашнево в доме одного из высланных, за работу председателем ему начисляли 30 трудодней, жена его не работала, а коровы в хозяйстве не было. Так что о роскоши в его доме и говорить не приходилось. Он никогда не отказывал колхозникам в выделении лошади для поездки в Псков, а по возвращении кого-либо непременно приходил в дом, интересовался, как съездил. Председателя угощали, некоторые такие поступки осуждали, но, думаю, что, может быть, Василий Михайлович и был сыт только в такие вечера. Впрочем, заходил он далеко не ко всем.

Земля, которую нам предложили под огород, была осенью вспахана, и нужно было ее только забороновать.

Летом 1937 г. я окончил 7 классов Краснодудовской неполной средней школы и включился в настоящую колхозную работу. Окончание занятий совпало с работой по вывозке навоза на паровые колхозные поля. Я ежедневно получал наряд на вывоз его из колхозных подворий. Чтобы нагрузить воз, приходилось разбирать одну из стенок двора. Бригада из 7-8 человек нагружала навоз на телеги, я работал вместе с ними, хотя силенок у меня было гораздо меньше. Осенью я выполнял наряды по отвозу зерна и картофеля на станцию Черская. Для транспортировки картофеля на телегу ставили дощатый ящик, который загружали доверху. На приемном пункте картофель сортировали, пропуская по железному громадному решету. Мелкий, нестандартный картофель проваливался в ячей-

ки, и его забирали обратно. В одну из поездок было загружено картофелем телег 9-10. Когда обоз стал подъезжать к станции, то несколько мужчин предложили один ящик картофеля продать, чтобы на вырученные деньги купить водки. Я помню мужика, который взялся это сделать. Долго не удавалось найти покупателя, а когда картофель продали, магазин с водкой был уже закрыт. Это сконфузило мужиков, они стали разменивать деньги на мелочь и рассчитываться со всеми подводчиками. Кинули несколько копеек в ладонь и мне. В дальнейшем подобных случаев мне наблюдать не приходилось, но от этой долго было не по себе.

Как-то осенью 1937 г. женщины, человек 12, убирали на поле у деревни Голубы картофель, а я отвозил его для просушки и сортировки на гумно. Пока я ездил, картофель ссыпали в кучу. После того, как картофель был убран с поля, стали убирать кучу. Там его было много, и пришлось сделать несколько поездок. В последнюю поездку весь картофель на телегу не уместился, осталось несколько ведер. Кто-то предложил собрать его в ведра и унести по домам. Предложили набрать ведро и мне, но я отказался, ссылаясь на то, что мне нужно ехать в другую деревню. Увозя последний воз, старался не оглядываться назад. Процессию женщин с корзинами и ведрами увидел молодой парень из деревни Голубы и доложил об этом в правление колхоза. Меня он предложил в свидетели. Несколько дней я был в тревоге: если подтвержу факт групповой кражи, женщины могут отдать под суд. Думаю, что в таком исходе не было заинтересовано и правление, и меня несколько дней о происшествии никто не спрашивал. Про себя же я решил, чтобы со мной ни случилось, женщин предавать не буду. И когда меня все же спросили, видел ли я, как женщины уносили домой ведра с колхозным картофелем, я ответил, что ничего не видел. После этого о происшествии больше не вспоминали. Наверное, и сами участницы его находились все эти дни в тревожном ожидании. Особенно беспокоилась тетя Стеша, у которой было четверо детей, а при встрече со мной она сказала, что и на том свете будет молить за меня Бога, потому что я спас ее от тюрьмы.

Осенью 1937 г. в помещении правления колхоза состоялось общее колхозное собрание. Не помню его повестки, т.к. на собрание я опоздал. Когда я зашел, незнакомый молодой мужчина делал доклад о том, что разоблачена большая группа «врагов народа», высокопоставленных командиров Красной Армии. Оратор называл имена Тухачевского, Гамарника, добавив, что последний оказался трусом и застрелился. Двое незнакомых молодых людей, перебивая друг друга, с жаром рассказывали о «вредителях» и уверяли, что «враги народа» теперь разоблачены и жизнь начнет улучшаться. После доклада о «врагах народа» молодые люди стали расспрашивать присутствующих о том, какие недостатки имеются в нашем колхозе. Желающих выступить не нашлось, хотя и высказали несколько замечаний. Антон Васильев, например, сказал, что все постройки выселенных, предназначенные для хранения зерна, израсходовали на дрова для водогрейки, часть разворовали. Собрание кончилось, а обещанного улучшения дел в колхозе не происходило. Летом 1937 г. один из колхозников деревни Голубы добровольно уехал в Сибирь: говорили, что так он решил скрыть свое участие в белой армии, боясь быть арестованным.

Мы с братом ежедневно работали на разных колхозных работах. Как и в предыдущие годы, в бригады доставили молотилку для обмолота зерновых и гороха, он производился в ночное время. Чтобы подать немолоченную массу в молотилку, ставили два «козла», на них укладывали большую дверь от ворот гумна, на нее подавали с земли вилами массу, а мы с братом подавали ее наверх, где ее задавали в молотилку. Работа была тяжелой, особенно когда молотили горох.

Пришло время государственного праздника – 7 ноября. В колхозах его тоже праздновали: забивали общественных животных, устраивали стол. Помню, что мясного супа наварили так много, что часть его в котле осталась и поварики предложили всем желающим придти вечером следующего дня. Пошли, захватив ложки, и мы с братом. Но супа было все еще много, поэтому ходили доедать и на третий день.

Во второй половине ноября подморозило, выпал снег, установился санный путь.

Вскоре мне и Алексею Пучкову из деревни Гаврилово бригадир поручил везти на дровнях зерно на приемный пункт на станцию Черская. Рано утром мы отправились к месту назначения. Сначала ехали быстро, хотя и были возы тяжело нагруженными, но после проезда Горбовского моста и леса началась оттепель, снег стал таять. Так как снега было еще немного, то он быстро стаял. Лошади с большим трудом тянули нагруженные мешками дровни, полозя их скрежетали по дороге. Пришлось свернуть с дороги и ехать по полю. Когда мы с большим трудом добрались до приемного пункта, то зерно не приняли, т.к. оно оказалось сырым. Время приближалось к вечеру, и мы понимали, что обратно в колхоз лошади зерно не довезут. Алексей пошел искать мужа своей двоюродной сестры Ивана Какошкина, который работал на приемном молочном пункте, а жил на квартире в деревне Красино. Договорившись с ним, мы повезли зерно в Красино, где и разгрузили его, сложив мешки в коридоре. У меня на валенках не было калош, валенки промокли и ноги промерзли. В дорогу сестра Алексея дала мне сухие валенки, и я, дойдя до дровней в своих промокших, там я переобулся. Но и сухие валенки были старыми, грубыми и ноги в них почти не согревались. Темной ночью мы тронулись в обратный путь, а до дома было 12 км. Лошади с трудом тащили дровни, шли медленно, полозя на дороге скрипели. На Горбовском мосту через Великую часовой проверил документы, а дальше на пути никто нам не встретился. Мне все время было холодно. Когда я рассказал брату, что зерно мы не сдали и оставили его в Красине, он очень расстроился, ругался и говорил: что будет, если вдруг зерно украдут. Я доказывал, что иначе поступить не было возможности, что зерно у сестры Алексея. Ночью я спал плохо, мысли о произошедшем не давали покоя. На следующий день ехать за зерном запрягли три лошади и вместо меня поехал старший брат. Зерно в Красине никто не украл, а при взвешивании его в колхозной кладовой оказалось на несколько кг больше, т.к. зерно отсырело.

На том моя работа в колхозе «Парижская Коммуна» завершилась: случившееся во время поездки в Черскую меня так рас-

строило, что я решил искать счастья в другом месте. Работа в колхозе не принесла мне ни морального, ни материального благополучия. В колхозе наша семья стала жить беднее и закрепощеннее. Например, если хотелось сходить в гости или на ярмарку, надо было спрашивать разрешение бригадира. Если у того было плохое настроение, то в лучшем случае следовал отказ, а в худшем сыпались оскорбления. При организации колхозов агитаторы убеждали, что только общественный труд освободит крестьянина от нужды, а на самом деле в большинстве артелей жить люди лучше не стали. Особенно трудно жилось многодетным и с малым количеством трудоспособных. Так, у моего дяди Кузьмы Ивановича было шестеро детей, старшая дочь была инвалидом, жена Евдокия Ефимовна хронически болела, поэтому ему приходилось содержать семью почти что одному. Днем он наравне со всеми работал, а ночью сторожил колхозные кладовые. Во время коротких перерывов на сенокосе, когда мужики усаживались покурить, дядя тут же засыпал, выронив из рук самокрутку. И единоличником он работал на износ, и в колхозе до изнурения, поэтому и прожил немногим более 50 лет. Умер он в 1943 г., когда во время оккупации вся семья болела тифом. Трудодень в колхозе был слишком мал и не позволял свести концы с концами. Прохудились у многих изб крыши, а соломы для их починки колхоз не выделял. Нам приходилось сложнее и потому, что в деревне при четырех колхозных дворах общественных построек не было, поэтому основные работы были в соседних деревнях и на их полях. Особенно тяжело было содержать корову, т.к. приходилось для нее заготавливать сено по кустам и вторым укосом. Работавшие на перевозке колхозного сена или соломы иногда брали на телегу охапку того или другого, но это тоже не было безбоязненным.

Осенью 1937 г. я прекратил работу в колхозе, но поступил легкомысленно, потому что представления об устройстве в дальнейшем у меня не было. До этого я кроме Палкина, базара и хлебного магазина в Пскове, нигде не бывал. Часто думал пойти на курсы трактористов, но посоветоваться было не с кем. Был и вариант поступления в Псковский

педагогический техникум, но для обучения в нем у меня не было ни знаний, ни материальных возможностей. Беда была в том, что в 1937 г. я окончил только 7 классов, а не 10, и 20 июля 1937 г. по записи в паспорте мне исполнилось 18 лет. Никаких документов, подтверждавших дату моего рождения, не сохранилось. Колжебицкая церковь, где меня крестили, в конце 1920-х гг была разрушена, сельсовет со всеми документами сгорел во время войны, но думаю, что указанный год моего рождения близок к истинному. Почему меня не отпустили в школу раньше, не знаю: может быть, из-за бедности, может быть потому, что надо было пасти скот. Ко времени поступления в школу я уже умел читать, решать примеры и мог пойти сразу во второй класс, но тогда никто об этом не подумал. Мой брат Иван вообще ходил в школу только половину зимы, потому что его учеба стала причиной ссор с отцом. В деревне об образовании думали мало, считая: сумеет мужик поставить подпись под документом, того и достаточно. Отец мой в свое время окончил четыре класса, столько же в 1927 г. окончил в Харлапковской школе и мой средний брат Миша. Обучала их одна и та же учительница Елизавета Ивановна. У меня до сих пор сохранилась в памяти обстановка в нашей избе в те далекие зимние вечера, когда брат Миша готовил уроки. По его книгам потом учился и я. В избе было холодновато, небольшие с одними рамами окна были снаружи засыпаны наполовину кострой, на столе стояла копилка, бледно-зеленое пламя которой скудно освещало пространство над столом. Во всех четырех углах избы стоял полумрак, а когда открывали дверь, то в нее врывался морозный серый воздух, стелившийся клубами по полу. Долго топить плиту было нечем, дрова и хворост заготавливать негде, а о заготовке торфа представления еще не имели. Я, завернувшись в шубу, сидел на скамейке и наблюдал, как брат готовил уроки. Старший брат Иван сидел на маленькой скамеечке возле плиты и вил веревки для плетения лаптей, отец в эти вечера трепал в хлеву лен. Пол в избе был холодный, ходить по нему босыми ногами было невозможно, т.к. никаких покрытий на нем не имелось. В дни, когда была плохая снежная погода, я большую часть дней проводил на

лежанке, некоторую время державшей тепло. В большие морозы в некоторых избах держали новорожденного теленка или овцу с ягнятами. Часов не было, в ночное время ориентировались на пение петухов.

Учиться в школе я начал в 10-летнем возрасте, учеба в первом классе мне давалась легко. На одно из родительских собраний пошел отец, а вернувшись, сказал, что учительница Татьяна Ивановна назвала меня лучшим учеником. А еще он сказал, что больше на собрания он ходить не будет: как хочешь, так и учись, и больше никогда успехами моими в учебе не интересовался. Одет я был плохо, в школу ходил босиком, и зимой стараниями учительницы мне, единственному в школе, бесплатно приобрели ботинки. Они оказались мне велики, поменять их было негде, поэтому по-прежнему ходил в лаптях или босиком. Выданные мне ботинки я начал только через два или три года, но носил я их только по большим праздникам и несколько лет, даже тогда, когда они стали мне малы и задники были стоптаны настолько, что не было видно каблучков. Сначала я ходил в школу в Ладыгино, а через год она открылась в доме выселенного в д.Гаврилово, начальную школу я окончил с хорошими оценками. Идти в пятый класс особого желания у меня не было, отец меня к этому тоже не понуждал, но вскоре получил повестку из сельсовета с предписанием направить меня на учебу в 5 класс, иначе подвергнут штрафу. Из нашей деревни в Краснодудовскую школу я пошел один. Строить здесь семилетнюю школу стали в начале 1930-х гг., после того, как в Краснодудово свезли дома выселенных в Синявино и построили из них несколько школьных зданий. Школьников было много, т.к. ходили сюда дети из деревень четырех сельсоветов. В доме выселенного в деревне Опалишино было организовано для учеников из дальних деревень общежитие, где жили и некоторые учителя. Обедов в школе организовано не было, школьники нередко голодали, собирали по полям подсыхший горох, посещали сады. Когда было много работы на полях и по дому, школу по нескольку дней ученики не посещали. В пятом классе у меня появился настоящий друг – Васька Поляков (Поляк) из деревни Полены. Он был на год старше меня,

т.к. в пятом классе был второгодником. Все три года работы в Краснодудовской школе мы сидели с ним за одной партой, жил он у дальних родственников в деревне Заольшажье, и мы вместе ходили в школу. Ему тяжело давались математика и физика, и он нередко списывал решение задач у меня.

Директором Краснодудовской школы в 1936-1937 гг. был Василий Кузьмич Латышев, преподаватель русского языка и литературы. Уроки он вел интересно, а дисциплина на его уроках была идеальной. Школу я окончил успешно, несмотря на то, что во время экзаменов пришлось заготавливать и возить торф.

Ко времени окончания мной школы, в 1937 г. деревня Заольшажье уменьшилась на восемь хозяйств: пять хозяйств были выселены, три переехали жить в Псков, в деревне числилось 13 единоличников – раскулаченных, но не выселенных, потому что в этих хозяйствах почти не было трудоспособных. Земли их отошли колхозу, в пяти хозяйствах не было коров. Деревня потеряла свой прежний вид, стала казаться сиротливой, обиженной. По обе стороны дороги были опустевшие, поросшие травой площади с камнями-валунами. Сохранилась красавица-сосна, под которой мужики собирались после работы покурить.

После прекращения работы в колхозе, в Палкине я ее не нашел, но по совету одноклассника зашел в РОНО, где мне предложили поехать в Ленинградскую школу политпросветработников, готовившую заведующих сельскими клубами и избами-читальнями. Я согласился, хотя никогда не бывал ни в клубах, ни в избах-читальнях, не говоря уже о работе в них. Очень уж хотелось посмотреть большой загадочный город!

Получив в РОНО направление, я сел в Палкине в автобус. Вместе со мной ехали до Гатчины двое парней из деревни Дудниково, заставившие в Пскове меня поволноваться. Взяв билеты, они оставили на мое попечение два чемодана, а сами ушли в железнодорожный ресторан и там загуляли. Началась посадка в поезд, зал ожидания опустел, а их все не было. Схватив свой сундучок и их чемоданы, я побежал к ресторану, но они и после моего напоминания вышли не сразу. Когда мы выбе-

жали на перрон, поезд уже отходил. Вскочили в тамбур первого подвернувшегося вагона, проводник долго не пропускал нас в свой вагон, но после долгих пререканий и предъявления билетов мы все же в него попали.

Приехал я в Ленинград рано утром, я больше всего боялся заблудиться, но добрые люди растолковали мне, как добратся до общежития. Меня определили в комнату, где очень громко играло радио, а я даже не знал, как уменьшить звук. Областная политпросветшкола с трехгодичным сроком обучения размещалась в красивом здании на набережной Фонтанки, д.6. Я был зачислен на годовичные курсы при ней, на которые приехало много молодежи из всех районов Ленинградской области. Всех приехавших разместили в общежитии, в нашей комнате жило 8 человек. Нам платили стипендию в 150 руб. в месяц, при школе была столовая, где обед из трех блюд стоил 98 коп., так что скромно жить было можно. В течении 11 месяцев нам преподавали историю ВКП(б), историю СССР, географию, русский язык, литературу, историю религий, зоологию, астрономию, политпросветработу, Конституцию СССР. Особенно обширная программа была по литературе: изучали творчество и биографии русских и советских писателей, начиная с Державина и кончая Фурмановым и Серафимовичем. Все преподаватели были мастерами своего дела, объясняли материал интересно и увлекательно. Для курсантов организовывали походы в музеи, театры, на публичные лекции, в большом здании школы демонстрировались кинофильмы и ставились театральные представления. Парни проходили допризывную подготовку, вечерами на Дворцовой площади отрабатывали строевой шаг, а в июне были организованы военные учения. Разъясняли нам и суть очередного процесса над «врагами народа» - Бухариным, Рыковым, Томским и др.

Обучение на курсах было для меня увлекательным и интересным, все предметы, за исключением Конституции, я сдал на «отлично». Не приобретали мы, однако, навыков практической работы (нам читались только лекции), поэтому многие думали, что полученные знания могут вообще не пригодиться.

В конце ноября 1938 г. я окончил курсы и вернулся в Палкинский район, а РОНО направил меня заведующим клубом колхоза «Красный маяк». Приехав в деревню Грибули, действующего заведующего клубом я не нашел, сказали, что он уехал за дровами. Клуб размещался в невысоком большом доме без коридора, дверь была закрыта на замок, но наметка была скручена из проволоки и дверь можно было приоткрыть, что я и сделал. В образовавшуюся щель увидел внутреннее убранство помещения: над сценой висел написанный на старых обоях плакат, содержание которого целиком прочитать было невозможно, напротив двери стояли две скамейки, дополнял картину черно-серый пол. От всего этого я ужаснулся: какая убогость по сравнению с культурными учреждениями Ленинграда! Затем я позвонил в Палкинский РОНО с просьбой прислать представителя для приема клуба. Но мне сказали: «Приезжай обратно, будешь заведовать районным клубом». Моего предшественника направили на курсы учителей, и я принял у него имущество клуба. С чего начать, я не знал, но понял, что нужно быть прежде всего гармонистом, а также солистом, актером, оратором, а на курсах таких знаний не давали. Те, кто составлял их программу, очевидно, даже представления о работе в деревне не имел. Не пригодилось мне знание «Оды Фелице» Державина, песен о соколе и буревестнике Горького, большим благом было бы умение играть на гармонии. Нам на курсах постоянно говорили: «Ваше дело организовать, а исполнители найдутся». В поселке был всего один гармонист, работавший трактористом, но ему не очень-то хотелось после работы идти в клуб и играть на гармонии без вознаграждения. Молодежь из окрестных деревень клуб почти не посещала, гулянки и вечера устраивала в крестьянских избах, а многие вообще считали, что ходить в расположенный в бывшей церкви клуб, грешно. Как я ни старался вовлечь молодежь в художественную самодеятельность, создать коллектив при клубе не удалось. Было поставлено лишь несколько спектаклей, подготовленных учителями школы и работниками сельпо, демонстрировались кинофильмы, устраивались танцы, три представления дал приехавший кукольный театр, часто приез-

жали лекторы, в клубе проводились собрания и конференции, так что помещение его почти не пустовало. Денег на клуб почти не отпускалось, заплатили только за вывозку торфа, а для ремонта пола и печи осенью 1939 г. служащие поселка собрали и вручили мне 300 руб. Из них я заплатил за работу, а остатки передал перед своим уходом в армию по акту приемнику.

Зимой 1939 г. в магазинах сельпо в поселке Палкино стали появляться в продаже обувь, костюмы, пальто, ситец, но постоянно выстраивались очереди. Товаров было немного, и не всем доставалось. Так, чтобы купить костюм, я простоял в очереди целую ночь. Этой зимой шла подготовка в переписи населения, и меня пригласили на занятия по изучению ее правил в качестве резервного счетчика. Полученные знания проверяла специально приехавшая комиссия. Мои ответы понравились проверяющему, и он спросил начальника учета, как он намерен меня использовать. Тот ответил, что я буду счетчиком, и в этом качестве участвовал в переписи. Мой участок состоял из деревень Палкинского сельсовета – Золотавино, Гоголево, Мельница, Сорокино. Все закончилось хорошо, единственное, что при большом морозе переносить из дома в дом в голой руке чернильницу было холодно. При контрольном обходе выяснилось, что была пропущена одна девица, мать которой скрыла ее под страхом налогового обложения. За проделанную работу мне заплатили 100 руб.

Обходя избы, я видел бедность, в которой жили люди. Никакой мебели, кроме стола, накрытого домотканой скатертью, да лавок вдоль стен не было, окна по-прежнему наполовину закрывались соломой или засыпались костью, на кроватях не было ни простыней, ни пододеяльников. В одном из домов, где мне пришлось заночевать, я накрывался шубой. Для моего жилья в Палкине РОНО арендовал избу с деревянной кроватью и скамейкой, из деревни я привез матрас-постель из домотканой грубой материи и одеяло, набил матрас соломой и приходил только переночевать. Летом ко мне подселился знакомый парень, родственник хозяйки, и мы спали с ним на одной кровати, укрываясь общим одеялом. В начале весны я познакомился с парнями,

работниками районной типографии и редакции газеты, и организовал с ними небольшой струнный коллектив, игравший на танцах.

В сентябре райвоенкомат производил в помещении клуба медосмотр призывников и приписку к родам войск. Каждый допризывник в раздетом виде подходил к столу призывной комиссии, и когда меня спросили, в каком роде войск я собираюсь служить, я растерялся и не знал что ответить. Тогда военком Петров предложил мне либо флот, либо авиацию, я выбрал флот. В сентябре мне был предоставлен отпуск, и я в родной деревне занялся хозяйством, потому что брат уже был призван на службу. Мачеха предложила мне снять солому крыши пустовавшего сарая и заменить ее крышу хлева, что я и сделал за несколько дней. Стояла солнечная погода, и я высушил для корма корове картофельную ботву. Месячный отпуск кончился, я вернулся на работу в клуб, ожидая призыва в армию. Во второй половине ноября я встретил военкома Петрова, и он сказал, что многих призывников уже отправили в части, а на флот пока запросов нет, и может быть вообще не будет. Направлять тебя в пехоту жалко, - продолжал он, поэтому поезжай служить в танковую часть, отправка в которую будет 29 ноября. С его предложением я согласился, и 29 ноября 1939 г. дядя Кузьма привез меня на лошади из родного Заольшажья в Палкино. Провожая меня, мачеха Василиса Михайловна очень плакала, а у меня промелькнула мысль, что больше я ее не увижу. Так и случилось: в феврале 1941 г. она умерла.

В военкомате мне посоветовали вернуться домой, т.к. через три дня будет отправка на флот, но я уже твердо решил пойти в танковые войска. В тот день из Палкина отправляли на службу 50 человек: 40 в пехоту и 10 – в танковые части. Автомашина, в которой нас должны были доставить на станцию Черская, долго не заводилась и нам пришлось долго толкать ее по улицам поселка, пока не заработал двигатель. Приехали мы в Черскую глубокой ночью, но к поезду успели. Доехали до Пскова, затем до станции Дно, где стоял эшелон с призывниками. Нас, направленных в танковые части, посадили в отдельный вагон, в котором мы ехали почти до самого места назначения. Ехали без со-

провожающего, но все друг друга знали, и доехали без приключений за несколько суток. Регулярно получали в пути сухой паек, а два раза даже накормили в столовых горячей пищей – последний раз на станции Жмеринка, южнее Киева. Сойти нам было нужно в Виннице, а оттуда по узкоколейке доехать до города Гайсин. Когда уже сели в поезд на Гайсин, некоторые подвыпившие в Виннице затянули «Катюшу», но взяли не ту ноту. Пассажиры вагона решили показать нам, как надо петь и завели украинскую песню. Такого слаженного, душевного, мелодичного пения я больше никогда и нигде не слышал. Пассажиры, закончив одну песню, начинали другую и пели до самой станции Гайсин. Запевал высокий пожилой седоусый мужчина.

За несколько суток пути от Дно до Гайсина пришлось многое передумать, потому что в пути и заняться-то ничем, кроме размышлений, возможности не было. Отправляясь в армию, я решил, что в дальнейшем ни при каких обстоятельствах работать политпросветработником не буду, т.к. надо было пропагандировать одно, а в жизни я видел совершенно другое. Волновал меня и вопрос, как будут жить без меня и брата домашние, чем кормить скот. Брат Иван был уже призван в армию, а после окончания службы домой не вернулся, устроился работать на бумажную фабрику в одном из присоединенных после войны с Финляндией городов – в Сортавале. Насмотревшись до армии военных кинокартин, я думал, что только в армии найду идеальный порядок и справедливость. Проезжая через Белоруссию, я видел из окна вагона бедность и там: убогие постройки, почти на каждой хатке гнездо аиста, крыши загажены птичьим пометом.

С первых дней службы наступило разочарование: всех нас одели в старое обмундирование, выдали поношенные сапоги, которые быстро прохудились и пришлось подбирать другие, также поношенные. Только в конце зимы старшина принес мне новые яловые сапоги 43-го размера и сказал, что если они будут малы, то пойдет к пехотинцам и принесет ботинки с обмотками. Я обул тесные яловые сапоги, которые от строевой подготовки вскоре сбил набок, и мне выдали ботинки и гетры. По пути в Гайсин мы узна-

---

ли, что началась война с Финляндией, на которую вскоре отправились многие бойцы и танки нашего 496-го отдельного танкового батальона 140-й стрелковой дивизии, а оставшихся младшие командиры обучали военному делу. В батальоне имелось всего три танка Т-26 и пулемет Дегтярева, а также два легких танка-амфибии. Первые были вооружены 40-мм пушками, вторы – пулеметами.

Командиром батальона был капитан Будкин, комиссаром – Дурихин. Казарма, где мы размещались, была светлой, с большими окнами, теплой, кровати расставлены просторно, по всем правилам. Всех призванных сразу зачислили в полковую школу. Строевой подготовки было мало, основное время было занято изучением техники и вооружения, в основном в технических классах. Учебная рота состояла в основном из украинцев и нас, псковичей, несколько человек было с Кавказа, по их вскоре отправили в другое место. 23 февраля мы приняли военную присягу, а 1 мая всем нам присвоили звания младших командиров и распределили по экипажам. Мне было присвоено звание сержант и я стал командиром танка. Вождению учили только на одной машине из трех имевшихся. После окончания войны с Финляндией танки и личный состав, направленные в район военных действий, в наш танковый батальон не вернулись. Но в мае 1940 г. мы видели тех бойцов, которые участвовали в войне. Как-то на плац привели колонну красноармейцев из нескольких десятков человек, все они были в зимнем обмундировании: в шапках-ушанках, шубах и валенках. Был жаркий день, а они вынуждены были стоять в таком виде несколько часов, большинство от изнеможения сели на горячий плац. Только после обеда пришел оратор и стал втолковывать им, какие они герои, после чего всех куда-то отправили.

Занятия по вождению танков у нас по-прежнему были редкими, поэтому прочных навыков приобрести не удалось. В середине июня 1940 г. в батальоне объявили тревогу, личный состав построили в колонну и повели в юго-западном направлении, даже не объяснив, куда и зачем. Колонна шла весь остаток дня, ночь и утро следующих суток, делая через каждый час пути отдых. Люди устали, засыпали на ходу, а во время привала

ложились прямо на дорогу и засыпали, так что снова поставить в строй некоторых было очень трудно. Утром, когда солнце поднялось уже высоко, колонну привели в лесок, где нас встретил командир батальона майор Колхидошвили. Пообедав, мы снова двинулись в путь. Сколько дней и ночей мы шли, припомнить невозможно. Через несколько суток колонне вручили единственную винтовку со ржавым штыком, которую теперь несли по очереди. Чтобы не поранить впереди идущих, штык привязали ниткой к стволу. Ночью пришла моя очередь нести винтовку. Я не обратил внимания, был ли штык на месте во время передачи мне винтовки, но утром, когда пришла очередь передавать ее другому, штыка на месте не оказалось. Меня обвинили в утере его, а пожилой младший командир даже сказал: «Ты не хочешь воевать, поэтому выбросил штык», после чего я совсем расстроился. Подъехал комбат, меня посадили в легковую машину, и мы поехали искать штык. Проехали далеко назад, но штыка не обнаружили. После этого меня отправили его искать пешком вместе с младшим командиром. Вскоре стемнело, и мы решили заночевать в кустах, чтобы утром возобновить поиски. Утром пошли дальше, и вдруг я увидел на дороге штык, но не утерянный ржавый, а совершенно новый, вороненый. Я обрадовался находке, но штык-то был чужой, и я засомневался, брать его или не брать, но напарник сказал: бери. Мы пошли назад, а штык я спрятал под брюками в сапоге. Днем мы настигли нашу колонну, отдыхающую в кустах. Так благополучно завершился случай, который мог иметь для меня серьезные последствия.

Батальон двигался еще несколько суток, а первая продолжительная остановка была устроена на пригорке у села Колбасня, откуда хорошо просматривалось громадное, напоминавшее город, селение из тысяч небольших глинобитных хаток. Говорили, что в этом селе было два сельсовета и пять колхозов, но как жили в нем люди, нам узнать не удалось, потому что никакого общения с местным населением не было. Вторая продолжительная остановка была недалеко от Днепра, тоже недалеко от села, а следующая – в кустах. Здесь нам, наконец, выдали новые винтовки со штыками, по два подсумка для

патронов и сами патроны. За все время движения на наше счастье не было ни одного дождя, а тут стал накрапывать мелкий дождь, но нас снова повели в неизвестном направлении. Привели в какой-то овраг, приказали сидеть тихо и никуда не отлучаться. Здесь мы и провели оставшуюся часть ночи. Пеший поход из города Гайсин Винницкой области до сырого оврага, к который мы попали, продолжался более двух недель. Все это время нам никто не объяснял, куда и зачем идем, но после получения оружия мы поняли, что придется воевать. Во время службы мы несколько раз ходили на стрельбище, но ни одного занятия на тему обороны или наступления не было, поэтому навыков владения оружием в боевой обстановке мы не получили. Сидя в сыром овраге, я думал о том, как вести себя в случае, если придется идти в штыковую атаку. Думаю, что такие тревожные мысли одолевали не только меня.

Ночь прошла, наступило пасмурное утро, но приказ оставался прежним: сидеть тихо и головы не поднимать. Но через некоторое время по гребню оврага стали проходить красноармейцы из других подразделений, а потом сообщили, что Румыния отдала Бессарабию и Буковину без войны. После обеда был организован митинг, на котором ораторы возносили партию и товарища Сталина за миролюбивую внешнюю политику. Вечером того же дня нас перевели из оврага в село, в одном из садов которого мы и заночевали. Раньше нас в село пришла конница, осушившая все колодцы. Утром следующего дня саперы начали возводить понтонный мост, но поскольку течение в Днестре было очень быстрым, то возводили они его очень долго. Когда мост был построен, наш взвод «пешим по- танковому» первым перешел по нему на западный берег, на территорию Бессарабии-Молдавии. Первой мы увидели на берегу сидящую женщину, которая плакала и все приговаривала: «Родненькие мои». Около нее уже лежала стопка советских рублей, положил рубль и я. На западном берегу батальон построили поротно, и мы двинулись на запад по незнакомой территории. Если по своей территории мы шли молча и большей частью по ночам, то здесь сразу затянули песню. С песней мы прошли почти до реки Прут.

Наверное, за всю свою историю молдавские сопки не слыхивали таких бодрящих красноармейских песен, которые звучали в те дни. Пелось очень легко, песня была настоящей спутницей красноармейцев. Идя в строю, я думал и о том, что мы принесем жителям Молдавии: радость или разочарование, а, может быть, кому-то и горе. Для тревожных размышлений причины были: во время службы с украинцами я слышал рассказы о страшном голоде 1933 г.

Первое село, которое встретилось на нашем пути, поразило своим опрятным видом. Проходя по украинским селам, мы видели небольшие низенькие мазанки, крытые соломой, построенные близко друг к другу. Здесь же, в Молдавии картина была совершенно иной: хаты выглядели празднично, нарядно, были высокими и окрашенными. Таких нарядных построек мне не приходилось видеть ни в России, и на Украине, ни тем более в Белоруссии. Колонну нашего батальона жители села встретили с доброжелательными улыбками, одеты они были по-праздничному. В селах, где батальон останавливался на отдых, к нам подходили жители и расспрашивали о жизни в Советском Союзе. Офицеры рассказывали, что колхозники у нас живут богато. В один из жарких дней батальон сделал остановку на обед, меня с двумя красноармейцами направили к колодцу за водой. У колодца, находившегося в километре от села, мы разделись и стали умываться, но вдруг увидели бегущую толпу людей. Мы быстро привели себя в порядок, подбежавшие с любопытством и доброжелательностью смотрели на нас, нам улыбались, расспрашивали о жизни, а затем молодые женщины взяли ведра с водой. и вся эта толпа направилась к месту нашей стоянки. Один из прибежавших к нам мужчин, на вид лет 50, одетый в темно-серый костюм и шляпу, с чистым румяным лицом, стал жаловаться на тяжелую жизнь при румынах. Глядя на этого хорошо одетого «обиженного» мужчину, я подумал: а что он получит от нашего прихода на землю Молдавии?

Когда наш обед был готов, жители стали рассматривать, чем кормят советских красноармейцев. Командиры людей отгоняли, говоря, что обед небогат потому, что отстал обоз. Могу сказать, что этот обед мало отличался

от тех, чем нас кормили раньше. Так, во время похода нас обслуживала походная кухня. Обед состоял из трех тонких сухарей, черпака горохового супа и черпака пшенной каши, на завтрак и ужин давали немного сухарей, кашу и чай. При таком рационе мне всегда после приема пищи хотелось есть. Какое впечатление произвел наш обед на молдаван? Думаю, что плохое.

Конечной остановкой нашего батальона был заброшенный парк, под деревьями которого мы и расположились. Посреди села был большой неглубокий водоем, в котором мужчины ловили рыбу. Часто приходили на берег его и мы. К нам подходили пожилые мужчины – бывшие солдаты царской армии. В разговоре с нами они удивлялись, говоря, какие мы все грамотные, а они в свое время солдатами были темными и бесправными. В этом парке батальон стоял недели две. За это время мне довелось встретить двух призывников в румынскую армию, но они остались дома. Одеты они были в светло-зеленые шерстяные френчи и брюки, обуты в ботинки. И это в бедной Румынии! Я вспомнил, как после призыва в Красную Армию был одет в поношенное обмундирование, а за время похода белье на мне все истлело. Какие глупые были румыны, рассказывали эти

двое призывников, что их солдаты просили у крестьян сало для смазки сапог, после чего за ними бегали собаки. Мне, как командиру танка, платили 22 руб.50 коп. в месяц (механик-водитель получал 17 руб.), но это были небольшие деньги (буханка хлеба в СССР стоила 98 коп.). Жители Молдавии курса нашего рубля не знали, и считали его таким же дорогим, как до революции. Поэтому продукты они продавали нам задешево. На один рубль, например, они отвешивали нам три пилотки вишни, да еще сдавали сдачу. К нашей стоянке подъезжал на подводе продавец, привозил письменные принадлежности, конфеты, пышный белый хлеб, который мне никогда больше видеть и пробовать не приходилось. Стоило все это копейки. После того, как командование разрешило закупать продукты у местных жителей, наше питание значительно улучшилось: в составе первого и второго блюд присутствовало свиное мясо, на ужин давали по паре яиц. . . Долго ли продержались такие цены, не знаю, но в дальнейшем от офицеров приходилось слышать о том, что уже к осени купить молдавские продукты было невозможно.

Через две недели наш батальон «пешим по-танковому» вернулся на железнодорожную станцию Вапнярка на Украину.